

Алексей Макушинский

Веселью нет конца, или Неопознанные объекты литературы

Что ни говори, а веселью нет конца. Шутники не переводятся, остроумие не иссякает. Не знаю, как вы, а я особенной, нежнейшей любовью люблю юмористический журнал НЛО. Уже само название вызывает у меня дрожь восторга. «Неопознанный летающий объект» оборачивается «новым литературным обзорением». Литературно, так сказать, обозреваем мы летающий объект. Причем неопознанный. Объект летает, а литература обозревает его.

Вот, глядишь, в последний номер такой залетел объект, что только держись. Шутники, как я уже сказал, не переводятся, веселью нет конца. А шутки у них изысканные, шикарные, все с каким-нибудь вывертом. Вот и напечатали они такой *выверт*, вывернувшийся из-под пера небезызвестной – по крайней мере, в тех кругах и сферах, по которым охотно летают обозреваемые объекты – поэтессы Елены Фанайловой под завлекательным названием «Лена и люди». И не просто напечатали, а снабдили анкеткой и ответами на нее разных неглупых людей, долженствующих, очевидно, представлять цвет нашей интеллектуальной, как бы это скромнее сказать, элиты.

Перепечатывать сей поэтический шедевр не буду, любопытствующие могут сами им насладиться, прочитав его, например, в интернете, вот адрес: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/954/970/>

Развязнейшим тоном, с матерком, а как же иначе, рассказывает нам поэтесса в небрежных верлибрах (такие, с позволения сказать, стихи можно, вообще говоря, гнать километрами, верстами, милями...), что вот-де познакомилась она со своей тезкой, тоже Леной, продавщицей в ночном магазине, а та возьми, да и попроси у нее, в подарок или хоть почитать, ее, Фанайловой, книгу. Вот она, слава-то, вот оно, признание народное... Не зарастает, как видим, к Елене Фанайловой народная тропа... Но не тут-то было, не понимает нас народ, ох, не понимает. Прочитала, значит, Лена-продавщица книжку Фанайловой и говорит: «Ну, прочитала я вашу книжку. / Ничего не понятно. / Слишком много имен и фамилий, которых никто не знает. / Такое чувство, что вы пишете / Для узкого круга. Для компании. Для тусовки. / Кто эти люди, кто эти люди, Елена? / Которых вы называете поименно? / Я дала почитать двум своим подругам, / Одна имеет отношение к литературе. / Они реагировали так же: / Это для узкого круга».

Отдадим все-таки должное автору – проницательнейшую критику своего творчества он сочинил сам, вложив ее в уста простой продавщицы. Всегда полезно поучиться у московской просвирни... Вот у кого следовало бы нашим белинским набираться ума да разума. Ну, поэтесса наша таким ответом, ясное дело, недовольна, пытается сначала что-то объяснить продавщице, а потом решает, что и объяснять не стоит, остаюсь, мол, сама по себе, толпа не понимает гения, с толпой мне не по дороге и даже Новый год с ней встречать не хочу. Сделав таковой вывод, вспомнив попутно пару эпизодов из своей трудной молодости и недавнего прошлого, поэтесса успокаивается, не забыв прибавить, что ее тетка, продавщица Лена, «конечно, права / Это сложный текст, / Даже когда он притворяется простым, / Как сейчас». Финал, согласитесь, трогательнейший. В самом деле, вдруг читатель подумает что-нибудь дурное? Читатель ведь человек наивный, возьмет да и заподозрит, что текст в самом деле простой. Так вот чтоб не болтал глупостей, мы его на всякий случай предупредим, что текст у нас – сложный, ох какой сложный, запомни, сволочь, сложный у нас текст, такой сложный, что надо созвать для его толкования самых главных умников, а то ведь дураки не поймут.

Стихотворение не скажешь, что совсем бездарное, совсем бездарные люди, даже Лены, редко становятся «медийными», как ныне принято выражаться, персонажами, «что-то» в нем есть, но это «что-то» тонет в дешевых шутках, «постмодернистски»-пренебрежительных цитатах, в стремлении изумить и ошарашить читателя (всегда, запомните это, убивающем искусство), в подростковой, в сущности, развязности, «отвязанности» тона – вот, мол, я какая крутая, все смотрите сюда! – в мутном потоке вялых и случайных слов, расхристанных строчек, в грубейшей, все для того же ошарашивания введенной в текст, матерщине. От цитат все-таки воздержусь, хотя цитатки есть оглушительные. Да и русским языком автор владеет, скажем прямо, не в совершенстве. «Этот Новый год», сообщает нам поэтесса, «Я встречала / В поезде москва-воронеж [почему-то с маленькой буквы и без кавычек] / С китайскими рабочими / У них год крысы наступает в феврале [а все другие годы наступают, значит, в апреле или в августе?] / И они легли спать в одиннадцать / И я с ними заснула / В отличие от привычки / Засыпать в четыре». Все-таки «заснуть в отличие от привычки» никак не возможно, это так же невозможно, как, например, «проснуться в отличие от обстоятельств» или «засмеяться в отличие от скуки».

Впрочем, что это я? Прости меня, читатель, я заболтался. Занялся, как видишь, критикой, вроде как даже всерьез, а наш юмористический журнал до критики ведь

никогда не снисходил и не снисходит. Какое дело непознанным до грамотной или не грамотной русской речи? Волнуют ли их подобные мелочи? Нет, нет и нет. Они решают проблемы глобальные, мировые... в юмористическом, конечно, ключе, чтоб скучно не было. Вот тут-то и начинается самое смешное, вот тут держись за бока. К стихотворению приложена, значит, анкетка, разосланная, как сказано, разным неглупым людям. Среди которых, вот в чем юмор и вот что, на самом деле, *страшно*, есть люди достойнейшие, умнейшие (говорю это без всякой насмешки), в разных областях проявившие себя самым лучшим образом. Вот эти достойные люди и получают от литературно обзоревающих юмористов три вопросика, которые можно, опять же, прочитать в интернете (<http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/954/971/>), но которые я здесь все-таки приведу целиком. Не могу удержаться, люблю хорошую шутку. Итак, вопросики (под общим многозначительным заголовком «По ту сторону иерархии») вот какие:

- 1) Как вы полагаете, должны ли сферы практики, определяемые нами как «этическое», «эстетическое» и «политическое», быть иерархически соподчинены в нашем мышлении о литературных произведениях и об общественных процессах — или возможно определить какой-то другой, неиерархический порядок их взаимодействия?
- 2) Что более важно на нынешнем этапе для анализа литературных произведений: переопределить (или уточнить) понятия «этическое», «эстетическое» и «политическое» или ввести новые понятия, заново концептуализировать всю реальность, сегодня стоящую за этими терминами?
- 3) Как с точки зрения данных вами ответов на вопросы 1 и 2 можно анализировать новейшие произведения литературы, например приведенное стихотворение Елены Фанайловой?

А вы как полагаете, дражайший читатель, должны ли сферы практики, определяемые нами, как... то есть сферы какой такой практики?.. неважно, какой-то практики... сферы, значит, какой-то таинственной практики, как-то так, а не эдак определяемые нами... должны ли, значит, эти сферы быть иерархически... как, еще раз?.. иерархически соподчинены в нашем мышлении... где, где соподчинены?.. да, в нашем, говорю, мышлении о литературных произведениях и об общественных процессах... не во всем, значит, мышлении, а только, что тоже, конечно, не мало, о литературных произведениях и об общественных процессах... обо всех, так-таки, общественных процессах?.. похоже, что обо всех... так вот должны ли эти сферы практики в нашем мышлении... что-то я не пойму, это практика в мышлении или мышление на практике?..

ну, где бы ни было, уже все равно... должны ли, вот что я хочу знать, эти сферы быть иерархически определены... пардон, соподчинены... или возможно определить... как, опять определить?... мы здесь все время что-то определяем... какой-то другой, неиерархический, порядок... пардон, что определить?... порядок, порядок нам надо определить... потому как страна у нас богата, а порядка в ней нет... их, ух, взаимодействия. Они, значит, где-то там себе взаимодействуют, а мы порядок, причем не простой, а какой-то неиерархический – определяем.

Поэма. «Мертвые души».

А главное, о читатель мой! вот вопрос всех вопросов, быть или не быть, так сказать... что более важно... кому?... на нынешнем этапе... чего?... этап обычно бывает этапом чего-то, какого-нибудь развития или процесса... бывают, конечно, еще и совсем другие *этапы*, но, похоже, не о них идет речь... что, значит, более на нынешнем этапе непонятно чего непонятно кому важно: переопределить... опять определить? не просто, а пере... или, в скобках, уточнить... так переопределить или уточнить?... не удалось переопределить, так хоть уточним... понятия, опять все те же, «этическое», «эстетическое» и «политическое»... или... ага! тут альтернатива, вот я и говорю, быть или не быть... или, значит, ввести новые понятия... это вместо понятий «этического», «эстетического», «политического»?.. то есть чтобы о политике больше ни слова, об этике молчок, об эстетике ни гу-гу?... да это же революционный, как теперь говорят, проект! это ж прямо-таки новый виток цивилизации!.. а мы-то и не заметили... читатель, готовьтесь к потрясениям! к неслыханным мятежам!.. заново концептуализировать всю реальность... так-таки всю? да, я чувствую, старому миру конец... ах, нет, не всю, только ту, что стоит сегодня... вчера, выходит, стояла другая?... за этими терминами... за какими терминами? да все за теми же... которые мы переопределять, значит, не будем, уже надоело, а заново концептуализируем... что бы сие ни значило... да не термины концептуализируем, дурная вы голова, а всю реальность... это много! видит Бог, это много!.. за ними, то есть за терминами, сегодня еще стоящую, но, судя по всему, готовую уже отвалиться.

Шекспировской силы текст. «Гамлет», «Макбет», «Антоний и Клеопатра».

Ну, последний вопрос, хоть и безграмотно сформулирован (что за точка зрения у ответов? и кто это вообще писал, какой стилист, какой грамотей?..), но, по крайней мере, понятен. А вот как он соотносится с двумя первыми... Э... вот здесь-то самый *прикол* и есть, господа, здесь-то самый подвох и таится. Ведь ясно же, что только дурачок-простачок, вроде нас с вами, задумается, какое отношение вообще имеют эти

умопомрачительные вопросы к этому умопомрачительному «например, стихотворению Елены Фанайловой». С таким же успехом можно было бы спросить, есть ли жизнь на Марсе... Вопрос уж точно более осмысленный... Эх, вы, наивный вы человек, ничего-то вы не понимаете. Наш цвет интеллектуальной элиты этим не смущается, подвоха не видит – а шутники-то смеются, весельчаки-то, руки в боки, хохочут – и бодренько начинает говорить разные умные вещи. Цвет ведь на то и цвет, чтобы говорить умные слова, а то на фиг он еще нужен. А умные слова не обходятся без умных имен. Так что вы, дражайший читатель, не ошибетесь, предположив, что вам с первых же строк влепят Фуко, Делеза, Адорно, Хоркхаймера, Гуссерля, Хайдеггера, Сартра, Хабермаса, Лиотара, Бурдье и Бадью. Это наш, знаете ли, живительный глоток пепси-колы, лучшие аттракционы нашего Луна-парка, американские горки нашего... этого... как его?... дискурса, без них мы не можем, без них нам хана. А уж Фанайлову без них ни в жисть не поймешь... Так что получайте под первое число и Фуко, и Делеза, и Лиотара. Внимайте и трепещите. И Лена-продавщица пускай прочтет и затрепещет. Да и китайцы-рабочие в поезде «Москва-Воронеж» пусть не ложатся спать так рано, а немедленно засядут за Дерриду... Но, поскольку они не засядут и НЛО читать тоже не будут, не до того им, то придется нам с вами, читатель, разбираться во всех этих *умностях*. То есть вы, если хотите, разбирайтесь, а я, пожалуй, не буду. Потому что ясно ведь, что умный человек, если спросить его о соотношении «эстетического», «этического» и «политического», что-нибудь умное по этому поводу сказать сумеет, за словом не полезет в карман, а уж что именно он скажет, не так, в конце концов, и важно.

Созванный юмористами из НЛО на парад и смотр цвет интеллектуальной элиты немало умных вещей, разумеется, и сказал. В некоторых – лучших – ответах чувствуется все же легкая растерянность, как если бы отвечающие понимали, что здесь что-то неладно, что их зазвали высказаться по какому-то не совсем достойному поводу. Да и голос то, что называется разума, здравого, если угодно, смысла нет-нет, да и прозвучит ненароком. «Я не представляю себе, как анализ стихов Фанайловой (которые мне нравятся) призван вписаться в сказанное мной выше. ... Тут своя специфика. Каждый текст требует своего ключа, подхода, никакой смесью этики, эстетики и политики тут не обойтись». (Михаил Ямпольский). Что – нравится, это личное дело М. Ямпольского и спорить мы с ним не будем. А вот что «смесью этики, эстетики и политики тут не обойтись» и что, значит, незачем было огород городить, это он подметил точно. «Думаю, новейшие произведения литературы следует анализировать

точно так же, как старейшие, — выявляя и оценивая их художественное качество» (Владислав Кулаков).

Золотые слова! Да беда-то вся в том, что до «художественного качества» никому уже давным-давно нет никакого дела.

Вот потому-то наши умные люди и согласились, я думаю, участвовать в этом розыгрыше. Мы ведь уже давно «по ту сторону иерархии», так что говорить можно о чем угодно, обо всем, ни о чем. Все равноценно, все всем, как в том анекдоте, по фигу... «Постмодернизм», увы, приучил нашу «интеллектуальную элиту» к равнодушию, к какой-то, сказал бы я, душевной апатии. Не по всякому поводу стоит, вообще, высказываться, тем более всерьез и с умным видом – простая истина, ныне, похоже, забытая. Умберто Эко писал ведь о детективном телесериале «Деррик», так почему бы и нам не порассуждать о Фанайловой? «Деррик», конечно, много лучше всякой Фанайловой, потому что – чистый жанр, простая вещь без выкрутасов, без пошлых претензий и покушений на что-то возвышенное. Сиди себе с пивом у телевизора, отдыхай от рабочего дня... Обыкновенная масс-культура всегда лучше, здоровее, *живее* пост-модернистских вывертов, псевдо-интеллектуальной мертвечины... той самой, о которой надо отдельно предупреждать, что она очень сложная вещь, не хухры-мухры, не всякой продавщице понятно. Желая всем продавщицам смотреть с чистой совестью «Деррика» и никогда не брать в руки Фанайлову. Разве что попадетсЯ она им, как нам с вами, читатель, в журнале сатиры и юмора.

А все-таки весело, с чего я и начал, весело, хорошо жить на свете. Особенно на свете литературном, в литературном, так сказать, высшем свете, в кругах и сферах, на орбите неопознанных, но тщательно обозренных объектов. Разлюли-малина, гуляй не хочу. А что сама литература давно уже готова с горя повеситься, так нам на это наплевать, нам от этого, братишки, ни жарко, ни холодно.